

*ПОРТРЕТ НА ФОНЕ РОЛИ

Этот разговор с актером Белорусского государственного театра им. Я. Купалы, лауреатом Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола Белоруссии Виктором МАНАЕВЫМ состоялся после очередных спектаклей, поставленных по купаловской пьесе «Тутэйшыя». Все постановки спектакля, где у Виктора одна из главных ролей, по-прежнему идут при полном аншлаге.

— Виктор, хотелось бы от имени многих видевших вас в этом спектакле зрителей поблагодарить за прекрасную игру в столь актуальной на наши дни купаловской пьесе.

Для зрителей совершенно очевидно — и я это сам почувствовал — на сцене вы играете самозабвенно, отдаете себя роли без остатка. Интересно, не было ли уже советов со стороны, мол, поберегите себя, не сжигайте...

— Нет, пожалуй, нет. Кроме как со стороны мамы. На премьере она даже расстроилась, не могла абстрагировать-

бировался сделать это, но не успел. Это меня сейчас страшно огорчает, ведь людям, которых любишь, нужно признаваться в своей любви. Обязательно.

Кстати, у Фаины Раневской однажды спросили: «Кто был ваш любимый режиссер?». Можете себе представить, она вдруг сказала: «Александр Сергеевич Пушкин». И процитировала поэта: «Слова лились, как будто их рождала не память рабская, но сердце...». Именно Пушкин, его поэзия дали ей столько, сколько не смогли дать все режиссеры, вместе взятые. Ведь что может

человек достоин сожаления. Это моя философия, которую, думаю, многие могли бы разделить.

— Иногда говорят, что жизнь — это театр и каждый в ней актер. В театре же говорят наоборот: театр — это жизнь. Где, на ваш взгляд, правда? Вам скоро 33. Стал ли для вас театр жизнью?

— Скорее всего, то, что происходит на сцене, и есть для меня настоящая жизнь. Я благодарен судьбе за такую мою жизнь. Кто-то из великих режиссеров, Ежи Гротовски, кажется, неспроста сказал однажды, что театр — это клиника, где происходит терапия. И это касается не только зрителей, но и актеров. Для меня театр — это всегда терапия, лечение.

Года три-четыре назад я бросился в политику, посчитал нужным заявлять о своей пози-

цие в людях.

— Бывает ли у вас свободное время? Чем вы любите заниматься на досуге?

— Свободное время — редкость. Утром репетиции, днем нужно бежать на радио, на телевидение, вечером — на спектакль, а домой придешь — поешь, почитаешь газеты и пора уже спать. Это счастье, когда придется оказаться на природе. А еще очень люблю ходить в гости, хотя это и редко бывает. Стараюсь иногда ходить в другие театры. Но на все это катастрофически не хватает времени. Я не жалею о такую свою судьбу, ведь это счастье для актера — быть все время занятым на сцене. Хотя иногда наступает какой-то предел, когда просто необходимо отдохнуть, побыть рядом с другими людьми, пообщаться.

— Вы поразительно пластич-

Виктор МАНАЕВ:

Сов. Белоруссия. — Минск. — 1991. — 13 июля

„Счастлив от встречи со своим героем“

ся от того, что я ее сын, и очень сильно переживала, — но не за моего героя, а за меня. И сейчас всякий раз, когда я ухожу на этот спектакль, она говорит: «Ты там сегодня не очень напрягайся, пожалуйста».

— Своей искренностью, естественностью, полной самоотдачей на сцене, даже внешностью вы напомнили мне Андрея Миронова...

— Вообще не от вас первого слышу о сходстве с Андреем Мироновым. В газете «Московская правда» после гастролей в столице была статья, в которой один критик, хорошо, кстати, знающий наш театр, писал о моей игре и именно о том, что я напоминаю ему Миронова. Там он, кстати, употребил одну фразу, которая не очень понравилась моим близким и хорошим знакомым, а именно: «Но мы знаем, что это стоило Миронову...» Автор, очевидно, намекал на короткую жизнь этого артиста.

Я верю в судьбу и считаю, что нет смысла в жизни, если не отдавать себя своему делу, работе полностью. Зачем тогда выходить на сцену?

— Кого вы считаете своими учителями?

— Если говорить об учителях, то сначала надо провести некоторые разграничения. У всякого молодого актера могут быть учителя духовные, незримые, но есть обязательно и учителя реальные — те, которые преподают основы мастерства в институте.

Из духовных учителей для меня на первом месте стоит великая актриса Фаина Раневская. Я ездил на ее спектакли в Москву, смотрел многое из того, что она играла. До сих пор не могу себе простить, что так и не успел преподнести ей букет роз. Она была для меня настолько непостижимой, неземной, что я даже не мог себе представить, как постучу к ней в дверь, она откроет, а я просто скажу: «Я люблю Вас», отдам ей цветы и уйду. Я со-

режиссер: объяснить какие-то вещи, дать определенные профессиональные советы, — но далеко не всегда ему удается духовно зарядить артиста на хорошую игру.

Высокие слова благодарности я хотел бы сказать многим моим учителям по институту. Один из них — Андрей Андроник. Он режиссер нашего театра, до сих пор преподает в институте. Еще один человек, о котором я постоянно вспоминаю, — это Виктория Козлова. До недавнего времени она работала в Минском кукольном театре. Это замечательные люди, от которых я многому научился.

— Ваша роль трагикомедийная. Почти весь спектакль зритель смеется над вашим героем — Микитой Зносаком, а в конце плачет. Что вы сами думаете о своем герое?

— Мы так привыкли навешивать ярлыки на все и всех! Одна из зрительниц написала письмо в еженедельник «Літэратура і мастацтва», где ругала меня за то, что я показал своего героя как некий образчик приспособленчества, беспринципности. Не согласен с этим утверждением. Своего героя я очень люблю. Мне кажется, что ему проще, чем мне в жизни, ведь он никогда не теряет веры, самой способности верить. Вообще, разве плох человек оттого, что хочет в трудное время выжить? Это же нормально, это здоровое качество человека. Возможно, Микита смешон в своей постоянной суете и частой перемене убеждений. Но давайте посмотрим с другой стороны на него: он наивен, как ребенок, он верит в окружающих, постоянно стремится быть в гуще событий, быть нужным. И потом вспомним само то время и обстоятельства, в которых жила Белоруссия сразу после революции. Времена эти были трагическими, изменчивыми, плохо понятными простыми людьми.

И еще об одном. Любимый че-

ловек, кого-то поддерживать, за что-то бороться, что-то доказывать. Я не жалею, о том, что было. Все мое время. Но тогда же я понял, что происходящее в жизни имеет гораздо больше лжи, чем то, что происходит на сцене. И невольно я стал чувствовать себя проще и увереннее в театре, нежели в самой жизни. В спектакле у тебя определен жанр, ты знаешь, кто любит тебя, кого ты любишь и чего ты ждешь от других. Ты понимаешь свою задачу, свои цели. В жизни же часто все перевернуто с ног на голову. Так что в самом деле, нашу жизнь иногда можно сравнивать с настоящим театром абсурда. А вот излечить людей, открыть им глаза на самих себя и жизнь может театр.

— Чего вам больше всего не хватает в этой жизни?

— Способности верить. И самое печальное и трагичное, что такая способность все тает и тает с каждым годом. А так я в жизни непритязательный и вполне могу находить радость в самом малом.

— Когда вам трудно, где и в чем вы пытаетесь искать утешение?

— Вероятно, в общении. В общении с людьми. Таких людей немного, но именно от них исходит то особое тепло, та энергия, в которой я нуждаюсь. А еще помогает поэзия, стихи.

— ...Вы пишете!

— Нет, увы, я не пишу, не рисую и не играю на музыкальных инструментах. Однажды, правда, выучил два аккорда на балалайке. И в сказке «Царевна-лягушка», где я играл Иванушку-дурачка, пытался играть.

— Какие качества в людях вас привлекают больше всего? И какие пороки больше всего отталкивают?

— Доброта. Она видна в человеке сразу, даже без общения.

А отталкивают — фарисейство, лицемерие, лживость, двуличие — все это страшные ка-

ны и подвижны на сцене. Вы активно занимаетесь спортом?

— Увы, нет. Очевидно, в форме заставляет держаться сама работа. И потом нужно везде успеть. Так что приходится быть легким и подвижным.

— Где-то в середине марта программа «Время» сделала своеобразный анонс гастролем купаловского театра в Москве. Как, на ваш взгляд, прошли выступления на московской сцене? Как восприняли «Тутэйшыя» москвичи? Все ли удалось?..

— Сначала отвечу на последний вопрос. Все ли удалось?.. Это, наверное, вообще невозможно. Если говорить конкретно о «Тутэйшых», то на сцене к этому времени мы сыграли уже тридцать спектаклей. Все равно думаю, что еще можно работать и работать над собой, и при этом избавляться от «зажима», становиться свободнее, ведь свобода — это главное условие для творческого полета.

В Москве мы дали три спектакля. Это было все-таки тяжело — играть три вечера подряд.

Мы, честно сказать, не ожидали, что будет много зрителей. Национальный театр, считается, имеет ограниченный круг почитателей в столице. Но оказалось иначе. Даже люди, не знавшие белорусского, как мне рассказывали, снимали наушники, чтобы услышать нашу живую речь и попытаться почувствовать и понять нас без перевода. Это здорово. Ведь текст данной пьесы Купалы — это шедевр, образец прекраснейшего белорусского языка.

— Финальная сцена спектакля, можно сказать, — символ нашего возрождения. Верите ли вы в национальное возрождение Белоруссии?

— Конечно. Иначе зачем были бы все наши усилия.

Дорога к возрождению не сулит быть легкой, но все же, верю, она выведет нас к правде.

Записал А. СОЛОВЬЕВ.